

ШКОЛЬНАЯ

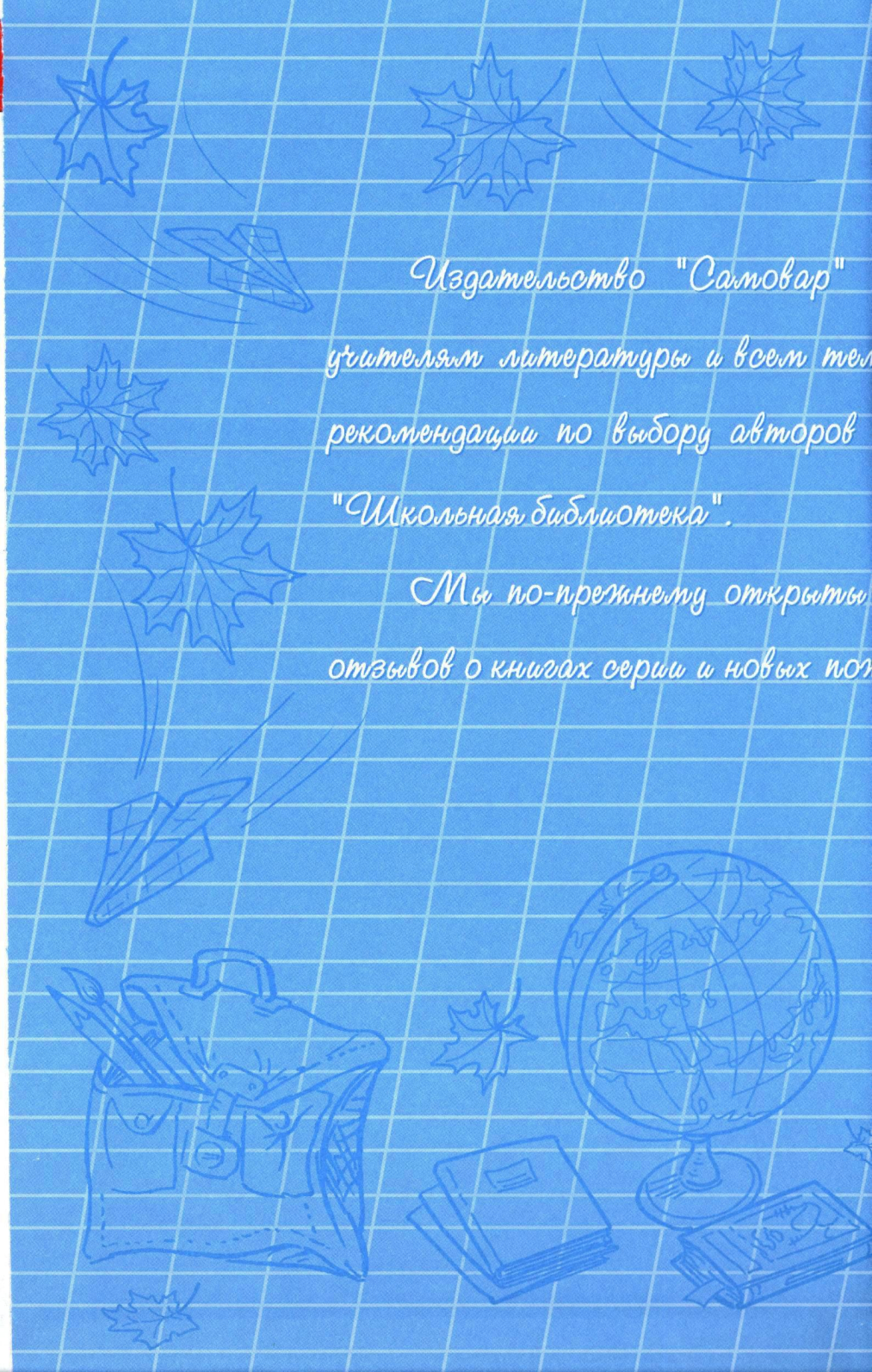
БИБЛИОТЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

1 класс

Издательство "Самовар"

учителям литературы и всем тем,
рекомендации по выбору авторов
"Школьная библиотека".

Мы по-прежнему открыты
отзывов о книгах серии и новых по

ражает сердечную благодарность
кто прислал в наш адрес советы и
произведений для издания в серии

сотрудничества и ждёт ваших
лений.

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(для 1-го класса)

Художник
Теннадий Соколов

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ПОТЕШКИ И ПРИБАУТКИ

* * *

Стучит, бренчит по улице:
Фома едет на курице,
Тимошка — на кошке
По кривой дорожке.
Куда, Фома, едешь?
Куда погоняешь?
— Еду сено косить.
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— А зачем молоко?
— Ребятток кормить.

КОНЬ

Ходит конь по бережку,
Вороной по зелёному.
Он головушкой помахивает,
Чёрной гривушкой потряхивает,
Золотой уздой побрякивает.
Все колечушки-то — бряк,
 бряк,
 бряк!
Золотые они — звяк,
 звяк,
 звяк!

* * *

Как по речке, по реке
Ехал рыжий на быке.
Только на́ гору взобрался,
Ему красный повстречался.
Рыжий красного спросил:
— Чем ты бороду краси́л?
— Я не краской, не замазкой —
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

* * *

— Я медведя поймал!
— Так води сюда!
— Не идёт.
— Так сам иди!
— Да он меня не пускает!

* * *

Ты расти, расти, коса,
До шелко́ва пояса́:
Как ты вырастишь, коса,
Будешь городу краса!

* * *

Настя-Настенька, шубейка красненька:
сама черноброва, опушка боброва!

МУЗЫКАНТЫ

Как у нашего соседа
Веселá была беседа:
Гуси — в гусли,
Утки — в дудки,
Овцы — в донцы,
Тараканы — в барабаны.

* * *

Чик, чикí, чика́лочки!
Едет гусь на палочке,
Уточка на дудочке,
Курочка на чурочке,
Зайчик на тачке,
Мальчик на собачке.

* * *

Тень-тень, потетéнь,
Выше города плетень.
Сели звери на плетень,
Похвалялися весь день.
Похвалялася лиса:
— Всему свету я краса!
Похвалялся заяка:
— Поди, догоняй-ка!
Похвалялися ежи:
— У нас шубы хороши!
Похвалялся медведь:
— Могу песни я петь!

СЧИТАЛОЧКИ

* * *

Ёжик, ёжик, чудачок,
Сшил колючий пиджачок.
Хочет с нами поиграть,
Всех ребят пересчитать.

* * *

Лиса по́ лесу ходила,
Громким голосом вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапти плела —
Кто лапти найдёт,
Тот водить пойдёт.

* * *

Раз, два, три, четыре, пять!
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф! Паф! Не попал.
Серый зайчик убежал!

* * *

На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной,
Кто ты будешь такой?
Выходи поскорей,
Не задерживай добрых и честных людей!

* * *

Шалуны-балуны,
Выбегайте во дворы.
Становитесь-ка играть,
Воеводу выбирать.
Воевода из народа,
Выходи из хоровода.
А ты, добрый молодец,
Становись в самый конец.

* * *

— Заяц белый, куда бегал?
— В лес дубовый!
— Что там делал?
— Лыко драл!
— Куда клал?
— Под кусток!
— Кто украл?
— Родион!
— Выйди вон!

* * *

Аты-баты, шли солдаты.
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар!
Аты-баты, сколько стоит?
Аты-баты, три рубля.
Аты-баты, кто выходит?
Аты-баты, — ты и я!

ДРАЗНИЛКИ

* * *

Не плачь, не плачь — куплю калач,
А будешь плакать — куплю лапоть.

* * *

Ваня, Ваня-простота
Купил лошадь без хвоста.
Сел задом наперёд
И поехал в огород.

* * *

Катя-Катя-Катюхá
Оседлала петуха.
Петух заржал,
На базар побежал.

* * *

Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй.
Чисти картошку,
Ешь понемножку.

* * *

Федя, Федя,
Съел медведя,
Две коровы, три быка,
Съел хромого гусака,
Съел два пуда леденцов
И три грядки огурцов.

* * *

Вова, Вова-карапуз
Съел у бабушки арбуз.
Бабушка ругается,
Вова отпирается!
— Это, бабушка, не я!
Это — кошечка твоя!

* * *

Андрей воробей,
Не летай на рекú,
Не клюй пескú,
Не тупи носкú:
Пригодится носок
На овсян колосок.

* * *

Обманули простака —
На четыре кулака.
На щелбан и на подушку,
На зелёную лягушку.

* * *

— Рёва-корова,
Дай молочка!
Сколько стоит?
— Три пяточка!

СКОРОГОВОРКИ

* * *

На дворе трава,
На траве дрова.
Не руби дрова
На траве двора.

* * *

Поля поле полет,
Коля колья колет.

* * *

Бык тупогуб,
Тупогубенький бычок.
У быка бела губа тупа.

* * *

Сшит колпак, вязан колпак,
Да не по-колпаковски.

* * *

Съел молодец
Тридцать три пирога с пирогом,
Да все с творогѳм.

* * *

У ежа ежата, у ужа ужата.

* * *

Шла Саша по шоссе
И сосала сушку.

* * *

Ехал Грека через реку,
Видит Грека — в реке рак.
Сунул Грека руку в реку.
Рак за руку Греку — цап!

* * *

— Расскажите про покупки.
— Про какие про покупки?
— Про покупки, про покупки,
Про покупочки свои.

* * *

Тридцать три корабля
Лавировали, лавировали,
Да так и не вьлави́ровали.

* * *

Карл у Клары украл кораллы,
Клара у Карла украла кларнет.

* * *

От топота копыт пыль по́ полю летит.

* * *

Хохлатые хохотуши хóхотом хохотали:
ха-ха-ха-ха-ха!

* * *

Всех скороговорок
Не перескороговоришь,
Не перевы́скороговоришь.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Жизнь дана на добрые дела.

Человек без родины — соловей без песни.

Всякому мила своя сторона.

Грамоте учиться всегда пригодится.

Учение — свет, а неученье — тьма.

Делу время, потехе час.

Повторенье — мать ученья.

Один в поле не воин.

Нет друга, так ищи, а нашёл, так береги.

Нет такого дружка, как родная матушка.

Старый друг лучше новых двух.

Не всё золото, что блестит.

Познаётся человек в беде да в дороге.

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

Землю красит солнце, а человека — труд.

Люби кататься, люби и салазки возить.

Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

Дело мастера боится.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Тише едешь — дальше будешь.

Поспешишь — людей насмешишь.

За правое дело стой смело.

По платью встречают, а по уму провожают.

Худо тому, кто не делает добра никому.

Не рой яму другому — сам в неё попадёшь.

Под лежащий камень и вода не течёт.

За двумя зайцами погонишься —
ни одного не поймаешь.

Не в свои сани не садись.

Волка бояться, так и в лес не ходить.

Поговорка — цветочек, пословица — ягодка.

Пословица не даром молвится.

ЗАГАДКИ

Вся дорожка усыпана горошком?

(ədən ɯn ɪqɾɛʒəʒɛ)

Над бабушкиной избушкой

висит хлеба краюшка? (hʋəʒɪ)

Зимой и летом одним цветом? (ɪɪʁə)

Маленький, удаленький,

сквозь землю прошёл,

красну шапочку нашёл? (ɔndʒ)

Сидит девица в тёмной темнице,

а коса на улице? (ɪəɔndɔw)

Сам алый, сахарный,

кафтан зелёный, бархатный? (ɛhɔdɔ)

Сидит дед, многими шубами одет:

кто его раздевает,

тот сам слёзы проливает? (ɪhɪɪ)

Сто одежек, все без застёжек? (ɯʃɔhɪɪɪ)

Ни окошек, ни дверей,

Полна горница людей? (hədɦɔ)

Старик у ворот тепло уволок? (ɛɔdɔw)

Без рук, без ног, а ворота открывает? (dəʃəʒ)

По-комарьи пищит и по-медвежьи ревёт?
(*dəʃəə*)

Скатерть бѣла весь свет одела? (*гэнэ*)

Зимой греет, весной тлеет,
летом умирает, осенью оживает? (*гэнэ*)

Ни в огне не горит, ни в воде не тонет? (*рəʔr*)

Мостится мост без досок,
без топора, без клина? (*рəʔr*)

Кто стучит без рук? (*ʋodɔ*)

Что без огня горит? (*ʋɛodɔ*)

Разноцветное коромысло над рекой повисло?
(*ʋɔɦɔvɔd*)

Два братца в воду глядятся,
а век не сойдутся? (*ʋɔədəɔ n ʋəd*)

Течёт, течёт — не вытечет,
бежит, бежит — не выбежит? (*ʋəd*)

Есть крылья, а не летает,
ног нет, а не догонишь? (*ʋɔɪɔd*)

Нос долог, голос звонок? (*dvɔm*)

Летит — воет, а сядет — землю роет? (*нѣж*)

Кто над нами вверх ногами?
(əŋgoʃon vn pxŋw)

Пришли мужики без топоров,
срубили избу без углов? (nʧəvɔŋw)

Без рук, без топорёнка построена избёнка?
(oreəŋg)

Шёрстка гладенькая,
когти остренькие? (vɔtom)

Из куста шипу́ля, за ногу типу́ля? (vəŋe)

Конь стальной, хвост льняной?
(ŋonʃpn ə vŋgn)

Кланяется, кланяется,
придёт домой — растянется? (doioʃ)

Два братца век бегут,
а два братца век нагоняют? (vəʒŋom)

В воде родится, а воды боится? (ʧŋoʊ)

Что знает, всё скажет,
и чего не знает, и то скажет? (mʧeʋ)

Мету-мету, не вымету, несу-несу, не вынесу:
как пора придёт, сама уйдёт? (ʧnəʃ)

Вокруг носа вьётся, а в руки не даётся?
(xvipe)

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПЕТУШОК И БОБОВОЕ ЗЁРНЫШКО

Жили-были петушок и курочка. Петушок всё торопился, всё торопился, а курочка знай себе приговаривает:

— Петя, не торопись, Петя, не торопись.

Клевал как-то петушок бобовые зёрнышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мёртвый лежит.

Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:

— Ох, хозяйюшка, дай скорей маслица петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зёрнышком.

Хозяйка говорит:

— Беги скорей к коровушке, проси у неё молока, а я уж собою маслица.

Бросилась курочка к корове:

— Коровушка, голубушка, дай скорее молока, из молока хозяйюшка собьёт маслица, маслицем смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Ступай скорей к хозяину, пусть он принесёт мне свежей травы.

Бежит курочка к хозяину:

— Хозяин! Хозяин! Дай скорей коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяйюшка собьёт маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к кузнецу за косой.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, дай скорей хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяйюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяин дал коровушке свежей травы, коровушка дала молока, хозяйюшка сбила масла, дала маслица курочке.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зёрнышко проскочило. Петушок вскочил и во всё горло закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И СЕРЫЙ ВОЛК

Проголодалась лиса, бежит по дороге и смотрит по сторонам: нельзя ли где чем-нибудь поживиться?

Видит она: везёт мужик на санях мёрзлую рыбу. Забежала вперёд, легла на дорогу, хвост откинула, ноги вытянула... ну, дохлая, да и полно! Подъехал мужик, посмотрел на лису и говорит:

— Славный будет воротник жене на шубу!

Взял лису за хвост и швырнул в сани, закрыл рогожею, а сам пошёл подле лошади.

Недолго пролежала лисонька: проделала в санях дыру и давай в неё рыбу выкидывать...

Рыбку за рыбкой, повыкидала всю, а потом и сама из саней потихоньку вылезла.

Приехал мужик домой.

— Ну, старуха,— говорит он,— какой воротник привёз я тебе на шубу!

— Где?

— Там, на возу,— и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы.

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая; погоревал, погоревал, да делать нечего.

Лиса перетаскала всю рыбу к себе в нору, села у норы и рыбку кушает. Видит она — бежит волк. От голода у него бока подвело.

— Здравствуй, сестрица! Что кушаешь?

— Рыбку. Здравствуй, братец.

— Дай мне хоть одну.

— Налови сам да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на речку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика. Ловись, рыбка, и мала и велика». Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и мала и велика. Ловись, рыбка, и мала и велика!

Долго сидел волк у проруби — всю ночь

не сходил с места. Хвост его и приморозило. Попробовал приподняться — не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащить», — думает волк.

Смотрит, а бабы идут за водой. Увидели волка и кричат:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте!

Прибежали и начали колотить волка, кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало.

Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает волк, — уж я тебе, лиса, отплачу».

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать ещё что-нибудь стянуть. Забралась она в избу, где бабы блины пекли, да попала головой в кадку с тестом. Вымазалась и убежала.

Бежит, а волк ей навстречу:

— Так-то ты учишь меня, лиса! Всего меня исколотили.

— Эх, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозги. Мне больней твоего, еле плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе идти. Садись уж на меня — я тебя довезу.

Лисичка села да потихонечку и говорит:

— Битый небитого везёт! Битый небитого везёт!

— Что ты там, лисонька, говоришь?

— А я говорю: битый битого везёт.

— Так, милая, так.

ЗАЮШКИНА ИЗБУШКА

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца — лубяная. Вот лиса и дразнит зайца:

— У меня избушка светлая, а у тебя тёмная! У меня светлая, а у тебя тёмная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла.

Лиса и просится к зайцу:

— Пусти меня, заюшка, хоть на дворик к себе!

— Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил её к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

— Пусти меня, заюшка, на крылечко.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса, согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

— Пусти меня, заюшка, в избушку.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась, заяц пустил её в избушку. Сидит лиса на лавке, а зайчик — на печи.

На четвёртый день опять лиса просит:

— Заинька, заинька, пусти меня на печку к себе!

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса да и выпросила — пустил её заяц и на печку.

Прошёл день, другой — стала лиса зайца из избушки гнать:

— Ступай вон, косой. Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слёзы утирает. Бегут мимо собаки:

— Тяф, тяф, тяф! О чём, зайныка, плачешь?

— Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорят собаки. — Мы её выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избушке:

— Тяф, тяф, тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

— *Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!*

Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идёт мимо волк:

— О чём, зайныка, плачешь?

— Как же мне не плакать, серый волк? Была у меня избушка лубяная, а у лисы —

ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит волк, — вот я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл волк к избе и завыл страшным голосом:

— Уыыы... Уыыы... Ступай, лиса, вон!
А она с печи:

*— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!*

Испугался волк и убежал.

Вот заяц опять сидит и плачет. Идёт старый медведь.

— О чём ты, зайнька, плачешь?

— Как же мне, медведушко, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит медведь, — я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал. И ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл медведь к избушке и зарычал:

— Рррр... рррр... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

*— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!*

Испугался медведь и ушёл.

Опять сидит заяц и плачет. Идёт петух, несёт косу.

— Ку-ка-ре-ку! Заинька, о чём ты плачешь?

— Как же мне, Петенька, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не горюй, зайнъка, я тебе лису выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал, старый медведь гнал, гнал — не выгнал. А ты и подавно не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл петух к избушке:

*— Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:*

*Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!*

Услыхала лиса, испугалась и говорит:
— Одеваюсь...
Петух опять:

*— Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!*

А лиса говорит:
— Шубу надеваю...
Петух в третий раз:

*— Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!*

Испугалась лиса, соскочила с печи — да бежать.

А заюшка с петухом стали жить да поживать.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Построили журавль и цапля себе избушки на разных концах болота.

Журавлю стало скучно жить одному, и решил он жениться.

«Пойду к цапле свататься! Она на меня похожа: и нос у неё длинный, и ноги».

Пошёл журавль к цапле — тят-тят! Семь вёрст по болоту шёл, пришёл и говорит:

— Цапля, ты дома?

— Дома.

— Я пришёл к тебе свататься, выходи за меня замуж!

— Нет, журавль, — отвечает ему цапля. — Не пойду я за тебя замуж, ноги у тебя длинные, а платье короткое! Бедно живёшь. Нечем тебе меня кормить будет.

Пошёл журавль домой ни с чем. Ушёл он, а цапля стала думать: «Скучно жить одной, лучше выйду замуж за журавля!»

Пошла к журавлю. Приходит и говорит:

— Журавль, я передумала, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, не хочу на тебе жениться, не возьму тебя замуж.

Заплакала цапля от стыда и вернулась домой.

А журавль остался один и подумал: «Напрасно я не взял цаплю замуж: скучно жить одному. Пойду к ней, скажу, что передумал, и женюсь на ней».

Пошёл журавль к цапле — тят-тят! Пришёл и говорит:

— Цапля, передумал я, решил жениться на тебе. Выходи за меня!

— Нет, долговязый, не пойду я за тебя замуж!

Пошёл журавль домой, а цапля стала опять думать: «Зачем я не согласилась выйти за него замуж! Одной жить невесело, лучше пойду я замуж за журавля!»

Пошла к журавлю. Приходит, а журавль не хочет брать её в жёны.

Вот так они и до сих пор ходят один к другому свататься, да никак не женятся.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили-были муж да жена. Были у них дочка Машенька да сын Ванюшка.

Собрались раз отец с матерью в город и говорят Маше:

— Ну, дочка, будь умница: никуда не уходи, береги братца. А мы вам с базара гостинцев привезём.

Вот отец с матерью уехали, а Маша посадила братца на травку под окном и побежала на улицу, к подружкам.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетели гуси-лебеди, подхватили Ванюшку, посадили на крылья и унесли.

Вернулась Маша, глядь — братца нету!

Ахнула она, кинулась туда, сюда — нигде Ванюшки не видно. Кликала она, кликала — братец не откликается. Стала Маша плакать, да слезами горю не поможешь. Сама виновата, сама и найти братца должна.

Выбежала Маша в чистое поле, глянула по сторонам. Видит — метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом.

Догадалась Маша, что это гуси-лебеди унесли её братца, бросилась догонять их.

Бежала, бежала, видит — стоит в поле печка. Маша к ней:

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Подбрось в меня дровец, — говорит печка, — тогда скажу!

Маша поскорее дровец нарубила, в печку подбросила.

Печка сказала, в какую сторону бежать.

Побежала Маша дальше.

Видит — стоит яблоня, вся румяными яблочками увешана, ветки до самой земли склонились. Маша к ней:

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Стряси мои яблочки, а то все ветки погнулись — стоять тяжело!

Стрясла Маша яблочки, яблоня ветки подняла, листики расправила, Маше дорогу показала.

Бежит Маша дальше и видит: течёт молочная речка — кисельные берега. Маша к ней:

— Молочная речка — кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Упал в меня камень, — отвечает речка, — мешает молоку дальше течь. Сдвинь его в сторону — тогда скажу, куда гуси-лебеди полетели.

Отломила Маша большую ветку, сдвинула камень. Зажурчала речка, сказала Маше, куда ей бежать, где гусей-лебедей искать.

Бежала, бежала Маша и прибежала к дремучему лесу. Стала на опушке и не знает, куда теперь идти, что делать. Смотрит — сидит под пеньком ёж.

— Ёжик, ёжик, — спрашивает Маша, — не видал ли ты, куда гуси-лебеди полетели?

Ёжик говорит:

— Куда я покачусь, туда и ты иди!

Свернулся он клубочком и покатился между ёлками, между берёзками. Катился, катился и прикатился к избушке на курьих ножках. Смотрит Маша — сидит в той избушке баба-яга, пряжу прядёт. А Ванюшка возле крылечка золотыми яблочками играет.

Подкралась Маша тихонько к избушке, схватила братца и побежала домой.

Немного спустя глянула баба-яга в окно: нету мальчика! Кликнула она гусей-лебедей:

— Скорей, гуси-лебеди, летите в погоню!

Взвились гуси-лебеди, закричали, полетели.

А Маша бежит, несёт братца, ног под собой не чуёт. Глянула назад — увидела гусей-

лебедей... Что делать? Побежала она к молочной речке — кисельным берегам. А гуси-лебеди кричат, крыльями хлопают, нагоняют её...

— Речка, речка, — просит Маша, — спрячь нас!

Речка посадила её с братцем под крутой бережок, от гусей-лебедей спрятала.

Гуси-лебеди Машу не увидали, мимо пролетели.

Вышла Маша из-под крутого бережка, поблагодарила речку и опять побежала.

А гуси-лебеди увидали её — воротились, летят навстречу. Подбежала Маша к яблоне:

— Яблонька, яблонька, спрячь меня!

Яблонька заслонила её ветками, прикрыла листочками. Гуси-лебеди покружились, покружились, не нашли Машу и Ванюшку и пролетели мимо.

Вышла Маша из-под яблони, поблагодарила её и опять пустилась бежать!

Бежит она, несёт братца, уж недалеко и до дома... Да, на беду, гуси-лебеди снова увидали её — и ну за ней! Гогочут, налетают, крыльями над самой головой машут — того и гляди, Ванюшку из рук вырвут... Хорошо, что печка рядом. Маша к ней:

— Печка, печка, спрячь меня!

Печка её спрятала, заслонкой закрыла.

Гуси-лебеди к печке подлетели, давай заслонку открывать, да не тут-то было. Сунулись

они в трубу, да в печку не попали, только крылья сажей вымазали. Покружились они, покружились, покричали, покричали да так ни с чем и вернулись к бабе-яге...

А Маша с братцем вылезла из печки и пустилась домой во весь дух. Прибежала домой, умыла братца, причесала, посадила на лавочку, сама рядом с ним села.

Тут скоро и отец с матерью вернулись из города, гостинцы привезли.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них были дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

*— Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок...*

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные...

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

Русская народная сказка
«Лисичка-сестричка и серый волк»

Русская народная сказка
«Гуси-лебеди»

— Перед смертью пусти меня на речку
сходить, водицы испить, кишочки прополо-
скать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на реку, стал на бе-
регу и жалобнёхонько закричал:

*— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Алёнушка из реки ему отвечает:

*— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.*

А ведьма ищет козлёночка, не может най-
ти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко
мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу
бегает козлёночек и жалобнёхонько зовёт:

*— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,*

*Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

А из реки ему отвечают:

*— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.*

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на реке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелко́вые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Злую ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улети-те, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял себе всего гуся! Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал. Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям.

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям.

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX века

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ
(1769–1844)

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней

Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мұка.

* * *

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ЖУКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ (1783—1852)

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
— Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны!

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!

Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
(1799—1837)

У ЛУКОМОРЬЯ

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказки говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;

В темнице там девица тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кощей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И я там был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил...

* * *

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл,— и вот сама
Идёт волшебница зима!
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов,
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою.
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

* * *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морскою,
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:

«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем расколосось».

Вот пошёл он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе:
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:

«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, ты корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчëвая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне.
Старика взащей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,

Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.

Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

ДАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (1801—1872)

СТАРИК-ГODOVIK

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?
Какие семь перьев в каждом крыле?

ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой¹ и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал её нянчить и пестовать:

¹ Вётошка — тряпочка.

*Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка¹,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!*

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

¹ Кокúрочка (кокúрка) — сдобная лепёшка.

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок. Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают. Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась: вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! ау!»

Идёт медведь, хвост трещит, кусты гнутся:

— О чём, девица, о чём, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл. Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя — ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая!

Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снега скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась, а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет. Жучка лает, заливаются, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

*Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!*

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

ТЮТЧЕВ ФЁДОР ИВАНОВИЧ
(1803–1873)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё гонит Зиму вон,
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя.

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

ТОЛСТОЙ
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1817—1875)

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На́ поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой,—
А куда? не знаю!

* * *

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

ФЕТ АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ
(1820–1892)

ОСЕНЬ

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали,
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад.
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

МОТЫЛЁК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шёлковою сеткой?

Дитя кудрявое, любимый нежный сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнь упить день один,
На солнце радостно играя.

Постой, оно уйдёт, и блеск его лучей
Замрёт на западе далёком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесёт меня потоком.

НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
(1821–1877/1878)

МУЖИЧОК С НОГОТОК

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что́, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? —
«Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

МАЙКОВ АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ
(1821–1897)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к маменьке своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?» —
«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

Пушкин А.С.
«У лукоморья»

Некрасов Н.А.
«Мужичок с ноготок»

УШИНСКИЙ
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
(1824—1870)

ДЕТИ В РОЩЕ

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре. — В школу мы ещё успеем. В школе теперь душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички, а белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуку в траву, взялись за руки и скрылись между зелёными кустами, под кудрявыми берёзами. В роще точно было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жука.

— Поиграй-ка с нами, — сказали дети жучку.

— С удовольствием бы, — отвечал жук, — но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети жёлтой, мохнатой пчеле.

— Некогда мне играть с вами, — отвечала пчёлка, — мне нужно собирать мёд.

— А ты не поиграешь ли с нами? — спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить своё хитрое жильё.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними, но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «Строю гнездо для своих маленьких деток».

Серенький зайчик бежал к ручью умыться свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми: он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробежал ручей через рощу.

— Тебе уж верно нечего делать, — сказали ему дети. — Поиграй же с нами.

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей. — Ах вы ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю и днём и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет бельё, вертит мельничные колёса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идёт кругом, — прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало ещё скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик заметил на зелёной ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала прелесёлую песенку.

— Эй ты, весёлый запева! — закричал малиновке мальчик. — Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

— Как? — просвистала обиженная малиновка. — Мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток! Я так устала, что не могу поднять крыльев, да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаєте по роще, да ещё мешаєте другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал всё, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!

— Запиши своё желание в мою карманную книжку, — сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было!

И это желание Мити было записано в ту же книжку. Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ ЗИМЫ

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху¹ забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать, — накинулась на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса; одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт; медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка прыгаючи греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты

¹ Стреха, застреха — нижний край крыши, образующий навес.

строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей», — и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах, стучат и в стены, и в двери, так, что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на санках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снега, давай тереть, — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалеко!

ПЛЕЩЕЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
(1825–1893)

* * *

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.
Вянет и желтеет
Травка на лугах.
Только зеленеет
Озимь на полях.
Туча небо кроет,
Солнце не блестит.
Ветер в поле воет,
Дождик моросит.
Воды зашумели
Быстрого ручья.
Птички улетели
В тёплые края.

* * *

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.
Дам тебе я зёрен...
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

ВНУЧКА

Бабушка, ты тоже
Маленькой была?
И любила бегать,
И цветы рвала?
И играла в куклы
Ты, бабуся, да?
Цвет волос какой был
У тебя тогда?
Значит, буду так же
Бабушкой и я,—
Разве оставаться
Маленькой нельзя?

СУРИКОВ ИВАН ЗАХАРОВИЧ (1841–1880)

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой.

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой...

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я...

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачили
Горе и беда.

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
конца XIX –
начала XX века**

ТОЛСТОЙ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ (1828—1910)

ДВА ТОВАРИЩА

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал. Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл. Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся.

— Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

— Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке. Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь — вас всякий легко погубит.

ВОЛК И СОБАКА

Худой волк ходил подле деревни и встретил жирную собаку. Волк спросил у собаки:

— Скажи, собака, откуда вы корм берёте?

Собака сказала:

— Люди нам дают.

— Верно, вы трудную людям службу служите.

Собака сказала:

— Нет, наша служба не трудная. Дело наше — по ночам двор стеречь.

— Так только за это вас так кормят, — сказал волк. — Это я бы сейчас в вашу службу пошёл, а то нам, волкам, трудно корма достать.

— Что ж, иди, — сказала собака. — Хозяин и тебя также кормить станет.

Волк был рад и пошёл с собакой к людям служить. Стал уже волк в ворота входить, видит он, что у собаки на шее шерсть стёрта.

Он сказал:

— А это у тебя, собака, от чего?

— Да так, — сказала собака.

— Да что так?

— Да так, от цепи. Днём ведь я на цепи сижу, так вот цепью и стёрло немного шерсть на шее.

— Ну, так прощай, собака, — сказал волк. — Не пойду к людям жить. Пускай не так жирен буду, да на воле.

ВОЛК И БЕЛКА

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть. Белка стала просить:

— Пусти меня.

Волк сказал:

— Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы? Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

— Пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

— Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

КОСТОЧКА

Быль

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они ещё лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит — одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел как рак и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас — это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

КОТЁНОК

Быль

Были брат и сестра — Вася и Катя; у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали — над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашёл? Нашёл?» Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашёл! Наша кошка... и у неё котят; какие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки —

увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уже больше не брал его с собой в поле.

ФИЛИПОК

Быль

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи.— И мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипок шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что, как учитель меня прогонит?» И стал думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу.

В сенцах снял шапку и открыл дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коль и говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и — хви, ле-и — ли, пе-ок — пок.
Все засмеялись.

— Молодец, — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка! Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(1868—1936)

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети, — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает: «Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!»

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бежали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так и катается по земле со смеху!

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной, — детишки проснутся, я их вкусненьким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к медведям и поёт во всё горло:

*Эй, как неловки
Божии коровки!*

*То ли дело — муравьи
Или ящерицы!*

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эхма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь. — Да с ним жить нельзя, со смеху помрёшь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои — есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

*Эх, вот так чудеса!
Жуки ловят зайца,
Под кустом сидит лиса,
Очень удивляется!*

Пришёл в избу, а уж хозяйева из города воротились, видят: посреди избы кадушка

стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидали они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

— А я почём знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

ВОРОБЬИШКО

У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодежь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани,

за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать — что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиша-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудик и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиша одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! — и слопает! — объяснял отец, улетающая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер дунет на тебя — чирик! — и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудик, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, машет руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьяха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

— *Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!*

*А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.*

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробиха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз и — на окне!

Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробихины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мья-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

ПРИШВИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1873—1954)

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягоды осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть.

Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит,

отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затащит.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста...

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

— Хороший лисичкин хлеб.

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас. Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

М. Горький
«Про Иванушку-дурачка»

Пришвин М.М.
«Лисичкин хлеб»

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решила наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисичи и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом и перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они трусили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята. И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так легко попасть утятам в озеро? Вот погодите, дождётесь экзамена в вуз. Снимайте все шапки, кричите «до свидания!».

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали ребята:

— До свидания, утята!

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту.

«Серёжа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1880–1921)

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На жёлтые листочки.

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонёчки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В воскресенье вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

ЖИТКОВ БОРИС СТЕПАНОВИЧ (1882—1938)

КРУЖЕЧКА ПОД ЁЛОЧКОЙ

Мальчик взял сеточку — плетённый сачок — и пошёл на озеро рыбу ловить.

Первой поймал он голубую рыбку. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговицы. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски. Взял мальчик кружечку, маленькую кружечку из тонкого стекла. Зачерпнул из озера водички в кружечку — пусть плавает пока рыбка.

Поставил под ёлкой, а сам пошёл дальше. Поймал ещё рыбку. Большую рыбку — с палец. Рыбка была красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полосы, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Рыбка сердится, бьётся, вырывается, а мальчик скорее её в кружечку — бух! Побежал дальше, поймал ещё рыбку — совсем маленькую. Ростом рыбка не больше комара, еле рыбку видно. Мальчик взял тихонечко рыбку за хвостик, бросил её в кружечку — совсем не видать. Сам побежал дальше.

«Вот,— думает,— погоди, поймаю рыбу, большого карася».

А подальше, в камышах, жила утка с утятами. Выросли утята, пора самим летать.

Говорит утка утятам:

— Кто поймает рыбку, первый кто поймает, тот будет молодец. Только не хватайте сразу, не глотайте: рыбы есть колючие — ёрш, например. Принесите, покажите. Я сама скажу, какую рыбу есть, какую выплюнуть.

Полетели, поплыли утята во все стороны. А один заплыл дальше всех. Вылез на берег, отряхнулся и пошёл переваливаясь. А вдруг на берегу рыбы водятся? Видит — под ёлочкой кружечка стоит. В кружечке водица. «Дай-ка загляну».

Рыбки в воде мечутся, плещутся, тычутся, вылезти некуда — всюду стекло.

Подошёл утёнок, видит: ай да рыбки! Самую большую взял и подхватил. И — скорее к маме.

«Я, наверное, первый. Самый я первый рыбу поймал — я и молодец».

Рыбка красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полосы, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Замахал утёнок крыльями, полетел вдоль берега — к маме напрямик.

Мальчик видит — летит утка, низко летит, над самой головой, в клюве держит рыбку, красную рыбку с палец длиной. Крикнул мальчик во всё горло:

— Моя это рыбка! Утка-воровка, сейчас отдай!

Замахал руками, закричал так страшно, что всю рыбу распугал.

Испугался утёнок да как крикнет: «Кря-кря!» Крикнул «кря-кря» и рыбку упустил.

Уплыла рыбка в озеро, в глубокую воду, замахала пёрышками, поплыла домой.

«Как же с пустым клювом к маме вернуться!» — подумал утёнок, повернул обратно, полетел под ёлочку.

Видит — под ёлочкой кружечка стоит. Маленькая кружечка, в кружечке — водица, а в водице — рыбки.

Побежал утёнок, скорее схватил рыбку. Голубую рыбку с золотым хвостиком. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговики. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски.

Подлетел утёнок повыше — и скорее к маме. «Ну, теперь не крикну, не раскрою клюва. Раз уже был разиней».

Вот и маму видно. Вот уже совсем близко. А мама крикнула:

— Кря, что несёшь?

— Кря, это рыбка, голубая, золотая, — кружечка стеклянная под ёлочкой стоит.

Вот и опять клюв разинул, а рыбка — плюх в воду! Голубенькая рыбка с золотым хвостом. Замотала хвостиком, заюлила и пошла, пошла, пошла вглубь.

Повернул назад утёнок, прилетел под ёлку, посмотрел в кружечку, а в кружечке рыбка маленькая-маленькая, не больше комара, еле рыбку видно.

Клюнул утёнок в воду и что было силы полетел обратно домой.

— Где ж у тебя рыбка? — спросила утка. — Ничего не видно.

А утёнок молчит, клюва не открывает. Думает: «Я хитрый! Ух, какой я хитрый! Хитрее всех! Буду молчать, а то открою клюв — упущу рыбку. Два раза ронял».

А рыбка в клюве бьётся тоненьким комариком, так и лезет в горло. Испугался утёнок: «Ой, кажется, сейчас проглочу! Ой, кажется, проглотил!»

Прилетели братья. У каждого по рыбке. Все подплыли к маме и клювы суют. А утка кричит утёнку:

— Ну, а теперь ты покажи, что принёс!

Открыл клюв утёнок, а рыбки и нет.

ГАЛКА

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула, — поглядела: где колечко? А колечка нет. Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услышала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились все искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь нитку в иголку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит — а над крышей галка летает, и что-то у ней под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки!

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук. Обрадовалась бабушка очкам, — а сестра — колечку и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка.

И помирилась с братом. Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

НА ЛЬДИНЕ

Зимой море замёрзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лёд ловить рыбу. Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, всё лёд и лёд: это так замёрзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех. Наделали во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что много ловилось. Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду. Володин папа сказал:

— Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтобы остаться ночевать и с утра снова ловить. Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях. Володя прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

— Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забежали.

— Почему нас качает? — закричал Володя.

А отец крикнул:

— Беда! Нас оторвало и несёт на льдине в море.

Все рыбаки бегали по льдине и кричали:

— Оторвало, оторвало!

А кто-то крикнул:

— Пропали!

Володя заплакал. Днём ветер стал ещё сильнее, волны набегали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту, привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть, ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко. И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолёт и закричал:

— Самолёт! Самолёт!

Все стали кричать и махать шапками. С самолёта упал мешок. В нём была еда и записка: «Держитесь! Помощь идёт!» Через час пришёл пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал им на помощь пароход и самолёт. Лётчик нашёл рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице, —
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.
Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьёт
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку!
Этот вот кричит:
— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!

Если ты
 порвал подряд
книжицу
 и мячик,
октябрюта говорят:
плоховатый мальчик.
Если мальчик
 любит труд,
тычет
 в книжку
 пальчик,
про такого
 пишут тут:
он
 хороший мальчик.

От вороны
 карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
 просто трус.
Это
 очень плохо.
Этот,
 хоть и сам с вершок,
спорит
 с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
 хорошо,
в жизни
 пригодится.

Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет сам
калоши.

Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни это
каждый сын,
знай
любой ребёнок:
вырастет из сына
свин,
если сын —
свинёнок.

Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо
и не буду —
плохо».

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1895–1925)

БЕРЁЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

**АЛЕКСАНДРОВА
ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА
(1907–1983)**

РОДИНА

Если скажут слово «родина»,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.

У реки берёзка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор.

В лужах первые кораблики,
Где недавно был каток,
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь, от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX века

ЧУКОВСКИЙ КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ (1882–1969)

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

Солнце по небу гуляло
И за тучу забежало.
Глянул зайнька в окно,
Стало зайньке темно.

А сороки-
Белобоки
Поскакали по полям,
Закричали журавлям:
«Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!»

Наступила темнота,
Не ходи за воротá:
Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.

Плачет серый воробей:
«Выйди, солнышко, скорей!
Нам без солнышка обидно —
В поле зёрнышка не видно!»

Плачут зайки
На лужайке:
Сбились, бедные, с пути,
Им до дому не дойти.

Только раки пучеглазые
По земле во мраке лазают,
Да в овраге за горою
Волки бешенные воют.

Рано-рано
Два барана
Застучали в ворота:
Тра-та-та и тра-та-та!

«Эй вы, звери, выходите,
Крокодила победите,
Чтобы жадный Крокодил
Солнце в небо воротил!»

Но мохнатые боятся:
«Где нам с таким сражаться!
Он и грозен и зубаст,
Он нам солнца не отдаст!»

И бегут они к Медведю в берлогу:
«Выходи-ка ты, Медведь, на подмогу.
Полно лапу тебе, лодырю, сосать,
Надо солнышко идти выручать!»

Но Медведю воевать неохота:
Ходит-ходит он, Медведь, круг болота,
Он и плачет, Медведь, и ревёт,
Медвежат он из болота зовёт:
«Ой, куда вы, толстопятые, сгинули?
На кого вы меня, старого, кинули?»

А в болоте Медведица рыщет,
Медвежат под корягами ищет;
«Куда вы, куда вы пропали?
Или в канаву упали?
Или шальные собаки
Вас разорвали во мраке?»

И весь день она по лесу бродит,
Но нигде медвежат не находит.
Только чёрные совы из чащи
На неё свои очи таращат.

Тут зайчиха выходила
И Медведю говорила:
«Стыдно старому реветь —
Ты не заяц, а Медведь.
Ты поди-ка, косолапый,
Крокодила исцарапай,
Разорви его на части,
Вырви солнышко из пасти.
И когда оно опять
Будет на небе сиять,
Малыши твои мохнатые,
Медвежата толстопятые,
Сами к дому прибегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

И встал
Медведь,
Зарычал
Медведь,
И к Большой Реке

Побежал
Медведь.

А в Большой Реке
Крокодил
Лежит,
И в зубах его
Не огонь горит, —
Солнце красное,
Солнце краденое.

Подошёл Медведь тихонько,
Толкнул его легонько:
«Говорю тебе, злодей,
Выплюнь солнышко скорей!
А не то, гляди, поймаю,
Пополам переломаю, —
Будешь ты, невежа, знать
Наше солнце воровать!
Ишь разбойничья порода:
Цапнул солнце с небосвода
И с набитым животом
Завалился под кустом
Да и хрюкает спросонья,
Словно сытая хавронья.
Пропадает целый свет,
А ему и горя нет!»

Но бессовестный смеётся
Так, что дерево трясётся:
«Если только захочу.
И луну я проглочу!»

Не стерпел
Медведь,
Заревел
Медведь,
И на злого врага
Налетел
Медведь.

Уж он мял его
И ломал его:
«Подавай сюда
Наше солнышко!»

Испугался крокодил,
Завопил, заголосил,
А из пасти
Из зубастой
Солнце вывалилось,
В небо выкатилось!

Побежало по кустам,
По берёзовым листьям.
Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, небо голубое!

Стали птички щебетать,
За букашками летать.

Стали зайки
На лужайке
Кувыркаться и скакать.

И глядите: медвежата,
Как весёлые котята,
Прямо к дедушке мохнатому,
Толстопятые, бегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

Рады зайчики и белочки,
Рады мальчики и девочки,
Обнимают и целуют косолапого:
«Ну, спасибо тебе, дедушка, за солнышко!»

ТАРАКАНИЩЕ

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.

А за ними кот
Задом наперёд.

А за ним комарики
На воздушном шарике.

А за ними раки
На хромой собаке.

Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.

Зайчики
В трамвайчике.

Жаба на метле...

Едут и смеются,
Пряники жуют.

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую».

Звери задрожали,
В обморок упали.

Волки от испуга
Скушали друг друга.

Бедный крокодил
Жабу проглотил.

А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки-забияки
Не боятся бою-драки;
Хоть и пятятся назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:

«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами
Шевелить усами!»
И назад ещё дальше попятились.

И сказал Гиппопотам
Крокодилам и китам:

«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалую!»

«Не боимся мы его,
Великана твоего:
Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»

И весёлою гурьбой
Звери кинулись в бой.

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),

Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).

По лесам, по полям разбежались:
Тараканьих усов испугались.

И вскричал Гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,
Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже не дешёвы».

И сидят и дрожат под кусточками,
За болотными прячутся кочками.

Крокодилы в крапиву забилися,
И в канаве слоны схоронилися.

Только и слышно, как зубы стучат,
Только и видно, как уши дрожат.

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутёк.

И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.

А за нею каракатица —
Так и пятится,
Так и катится.

Часть вторая

Вот и стал Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому
(Чтоб ему провалиться, проклятому!).
А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!»

Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге
И в каждой пещере
Злого обжору кланут.
Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребёнка —
Медвежонка, волчонка, слонёнка, —
Чтобы несытое чучело
Бедную крошку замучило?

Плачут они, убиваются,
С малышами навеки прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
 (Ха-ха-ха!)
Это просто таракан!
 (Ха-ха-ха!)

Таракан, таракан, таракашечка,
Жидконогая козявочка-букашечка.
 И не стыдно вам?
 Не обидно вам?
 Вы — зубастые,
 Вы — клыкастые,
А малявочке
 Поклонились,
А козявочке
 Покорились?»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что́ ты, что́ ты!
Уходи-ка ты отсюда!
Как бы не было нам худа!»

Только вдруг из-за кусточка,
Из-за синего лесочка,
Из далёких из полей
Прилетает Воробей.

Прыг да прыг
Да чик-чирик,
Чики-рики-чик-чирик!

Взял и клюнул Таракана —
Вот и нету великана.
Поделом великану досталось,
И усов от него не осталось.

То-то рада, то-то рада
Вся звериная семья,
Прославляют, поздравляют
Удалого Воробья!

Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бороною дорогу метут,
Бараны, бараны
Стучат в барабаны!
Сычи-трубачи
Трубят!
Грачи с каланчи
Кричат!
Летучие мыши
На крыше
Платочками машут
И пляшут.

А слониха-щеголиха
Так отплясывает лихо,
Что румяная луна
В небе задрожала
И на бедного слона
Кубарем упала.

Вот была потом забота —
За луной нырять в болото
И гвоздями к небесам приколачивать!

БИАНКИ ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ (1894–1959)

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, — думает, — на охоту за дикими зверями и птицами». Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» — думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» — думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» — думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш. Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается взад-вперёд, взад-вперёд.

Маяковский В.В.
«Что такое хорошо и что такое плохо»

Чуковский К.И.
«Тараканище»

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются взад-вперёд, взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась тонкая-тонкая и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается взад-вперёд, взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел — не видно Выпи в камыше.

«Ну,— думает,— обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет — то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» — думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла. Удивился Щенок: куда же Удод девался? «Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! — думает Щенок.— Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял — и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унёс. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок — прыг! — и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень!

Хвост в зубах у Щенка остался.

Фыркнул Щенок, бросил хвост — и за ней.

Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отрачивает.

«Ну, — думает Щенок, — уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, в воздухе бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их — и вдруг стало кругом, как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно. Спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили — не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился да как пальнёт в него летучей едкой струйкой — прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся — да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые — все опять за свои дела принялись.

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост? — говорит Человек.

— А затем мне хвост, — говорит Муха, — зачем он у всех зверей, — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

— Ну ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко. Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

— Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

— Что ты, что ты! — говорит Слизняк. — У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю, — только так и ползаю. Я — брюхоног.

Муха видит — ошиблась, — и полетела дальше. Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак — оба с хвостами. Муха к Рыбе:

— Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

— Совсем не для красоты, — отвечает Рыба. — Хвост у меня — руль. Видишь: надо мне направо повернуть — я хвост вправо поворачиваю; надо налево — я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

— Отдай мне твой хвост, Рак!

— Не могу отдать, — отвечает Рак. — Ножи у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп — и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит. Муха к нему:

— Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

— Вот чудачка! — говорит Дятел. — А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

— А ты носом, — говорит Муха.

— Носом-то носом, — отвечает Дятел, — да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку — только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, — нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик — маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

— Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

— Что ты, что ты! — говорит. — Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

— Оленяткам-то зачем твой хвост? — удивилась Муха.

— А как же, — говорит Оленуха. — Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь — прятаться.

И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят — беленькое впереди мелькает, — бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх и хвост у Лисицы! пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, — думает Муха, — уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к Лисице, кричит:

— Отдай хвост!

— Что ты, Муха! — отвечает Лисица. — Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

— Как же ты, — спрашивает Муха, — обманешь их хвостом?

— А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! верть! — туда-сюда, хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! — а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! — а Муха уж опять на носу.

— Отстань ты от меня, Муха! — взмолился Человек.

— Не отстану, — жужжит Муха. — Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала — у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи — вон какая надоедная!

Подумал и говорит:

— Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

— Ну ладно, — говорит Муха, — спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выспрашивать:

— Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине — и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю — дух вон, и ножки кверху.

А Человек и говорит из окошка:

— Так тебе, Муха, и надо — не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.

КТО ЧЕМ ПОЁТ?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголо-
вые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли...

«Ква-а-а-а!..» — одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни. Обрадовался:

— Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, — то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист — не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала: «Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошёл по озеру громкий гул: «Прумб-бу-бу-бумм!..» — словно бык проревел.

«Вот так песня! — подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. — Инструмент-то у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой — как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь — барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жёсткая шея — тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно: никто его писка не слышит. Шею натрудил — зато сам своей песней доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать.

Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков — длинные задние лапки коленками назад. На крыльях — зазубринки, а на ножках зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками зацепочки задевает — стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх,— думает долгоносый Бекас под кочкой,— надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была,— полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с бока на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт? Хвостом!

КАТАЕВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ (1897–1986)

ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК

Поспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберёт.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

— Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик лопухом и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит — у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

— Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

— А ты хорошо искала?

— Да. Там ни одной ягоды, одни листики.

— А под листики ты заглядывала?

— Не заглядывала.

— Вот видишь! Надо заглядывать.

— А почему Павлик не заглядывает?

— Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

— Ягодки — они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягодку за ягодкой, приговаривая:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

— Хорошо, — сказала Женя. — Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются. Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвёт и приговаривает:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

«Хватит с меня, — думает. — Я уж и так, наверное, много набрала».

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок — даже дно не закрыто.

«Ну,— думает,— так собирать мне совсем не нравится. Всё время нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку».

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенёк отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладёт. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: «Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!»

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась, и из-под пенька вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперёк шляпы сухая травинка.

— Здравствуй, девочка,— говорит.

— Здравствуй, дяденька.

— Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик-боровик, коренной лесовик,

главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чём вздыхаешь? Кто тебя обидел?

— Обидели меня, дедушка, ягоды.

— Не знаю. Они у меня смиренные. Как же они тебя обидели?

— Не хотят на глаза показываться, под листики прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик-боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

— Сущие пустяки! У меня для этого есть специальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик-боровик, коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

— Перестань, дудочка.

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женья:

— Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!

— Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик: он мне очень понравился.

— Хорошо. С большим удовольствием.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые молодые любопытные ягодки, ещё совсем зелёные. За ними высунули головки ягоды постарше — одна щёчка розовая, другая белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые — крупные и красные. И наконец, с самого низу показались ягоды-старички, почти чёрные, мокрые, душистые, покрытые жёлтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко сквозили на солнце и тянулись к дудочке.

— Играй, дудочка, играй! — закричала Женя. — Играй быстрее!

Дудочка заиграла быстрее, и ягод выпало ещё больше — так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

— Играй, дудочка, играй! Играй ещё быстрее.

Дудочка заиграла ещё быстрее, и весь лес наполнился таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчёлы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего лёгкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули жёлтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного звука, и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищённая чудной музыкой.

«Вот теперь-то я начну собирать!» — подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что обменяла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

— У, глупая дудка! — сердито закричала девочка. — Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику-боровику, коренному лесовику и говорит:

— Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

— Хорошо, — отвечает старик-боровик, коренной лесовик, — я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не видно — одни только листики. Вот несчастье!

Кувшинчик есть — дудочки не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику-боровику, коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:

— Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

— Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

— Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

— Ну, так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

— Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик и дудочку.

— Ишь ты какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку и кувшинчик! Обойдётся и без дудочки, одним кувшинчиком.

— Не обойдусь, дедушка.

— А как же другие-то люди обходятся?

— Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку заглядывают да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвёртая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

— Ах, вот как! — сказал старик-боровик, коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него вместо сизой стала чёрная-пречёрная. — Ах, вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забирай свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик-боровик, коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенёк.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой.

Одну берёт, на другую смотрит, третью замечает, а четвёртая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

— Вот умница, — сказал Жене папа, — полный кувшинчик принесла. Небось устала?

— Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой — папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.

ОСЕЕВА
ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА
(1902–1969)

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,— усмехнулся Павлик,— я сейчас же попробую.— Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик.— Разве такая поймёт волшебное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Какую тебе?

— Мне синюю,— робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

ЧТО ЛЕГЧЕ?

Пошли три мальчика в лес. В лесу грибы, ягоды, птицы. Загулялись мальчики. Не заметили, как день прошёл. Идут домой — боятся:

— Попадёт нам дома!

Вот остановились они на дороге и думают, что лучше: соврать или правду сказать?

— Я скажу, — говорит первый, — будто волк на меня напал в лесу. Испугается отец и не будет браниться.

— Я скажу, — говорит второй, — что дедушку встретил. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

— А я правду скажу, — говорит третий. — Правду всегда легче сказать, потому что она правда и придумывать ничего не надо.

Вот разошлись они все по домам.

Только сказал первый мальчик отцу про волка — глядь, лесной сторож идёт.

— Нет, — говорит, — в этих местах волка.

Рассердился отец. За первую вину рассердился, а за ложь — вдвое.

Второй мальчик про деда рассказал. А дед тут как тут — в гости идёт.

Узнала мать правду. За первую вину рассердилась, а за ложь — вдвое.

А третий мальчик как пришёл, так с порога во всём повинился. Поворчала на него тётка да и простила.

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет,— говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь? — спрашивают её соседки.

— Что ж сказать? — говорит женщина.— Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувyrкается, колесом ходит — любятcя им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливаётся — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где же они? — отвечает старик.— Я только одного сына вижу!

ПЕРМЯК ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ
(1902—1982)

КТО?

Заспорили как-то три девочки, кто из них лучшей первоклассницей будет.

— Я буду лучшей первоклассницей, — говорит Люся, — потому что мне мама уже школьную сумку купила.

— Нет, я буду лучшей первоклассницей, — сказала Катя. — Мне мама форменное платье с белым фартучком сшила.

— Нет, я... Нет, я, — спорит с подругами Леночка. — У меня не только школьная сумка и пенал, не только форменное платье с белым фартуком есть, мне ещё две белые ленточки в косички подарили.

Спорили так девочки, спорили — охрипли. К подружке побежали. К Маше. Пусть она скажет, кто из них самой лучшей первоклассницей будет.

Пришли к Маше, а Маша за букварём сидит.

— Не знаю я, девочки, кто самой лучшей первоклассницей будет, — ответила Маша. — Некогда мне. Я сегодня должна ещё три буквы выучить.

— А зачем? — спрашивают девочки.

— А затем, чтобы самой плохой, самой последней первоклассницей не оказаться, —

сказала Маша и принялась снова читать букварь.

Притихли Люся, Катя и Леночка.

Не стали больше спорить, кто лучшей первоклассницей будет. И так ясно.

ПРО НОС И ЯЗЫК

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык один и нос тоже один.

— Скажи, бабушка, — просит Катя, — почему это у меня всего по два, а язык один и нос один?

— А потому, милая внучка, — отвечает бабушка, — чтобы ты больше видела, больше слышала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и нос свой курносый куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному. Ясно?

КАК МИША ХОТЕЛ МАМУ ПЕРЕХИТРИТЬ

Пришла Мишина мама после работы домой и руками всплеснула:

— Как же это ты, Мишенька, сумел у велосипеда колесо отломать?

— Оно, мама, само отломалось.

— А почему у тебя, Мишенька, рубашка разорвана?

— Она, мамочка, сама разорвалась.

— А куда твой второй башмак делся? Где ты его потерял?

— Он, мама, сам куда-то потерялся.

Тогда Мишина мама сказала:

— Какие они все нехорошие! Их, негодников, нужно проучить!

— А как? — спросил Миша.

— Очень просто, — ответила мама. — Если они научились сами ломаться, сами разрываться и сами теряться, пусть научатся сами чиниться, сами зашиваться, сами находиться. А мы с тобой, Миша, дома посидим и пождём, когда они это всё сделают.

Сел Миша у сломанного велосипеда, в разорванной рубашке, без башмака, и крепко задумался.

Видимо, было над чем задуматься этому мальчику.

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку.

Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точённый. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссе. Прошла дорога через речку Быстрианку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

АРКАДИЙ ГАЙДАР (1904–1941)

СОВЕСТЬ

Нина Карнаухова не приготовила урока по алгебре и решила не идти в школу.

Но чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на неё добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чём дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она. — И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

— Нет! — удивлённо ответил малыш. — Я просто шёл на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что

поднять их перед малышом теперь было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над её головой весёлые птицы. И очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть.

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! — это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочёл такую надпись:

Катаев В.П.
«Дудочка и кувшинчик»

А.Гайдар
«Горячий камень»

КТО СНЕСЁТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ И ТАМ РАЗОБЬЁТ ЕГО НА ЧАСТИ, ТОТ ВЕРНЁТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ И НАЧНЁТ ЖИТЬ СНАЧАЛА

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчишкой добрым, подумал: «Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть

меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромотал и не дышал так тяжело».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он. — Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой

жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это — когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это — когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка

почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке. — А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, — но это тогда, когда мы — ещё неумело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, — но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, — но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, — могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье? И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была беспокойна совесть, плохое настроение. «А что, — думаю, — дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. — Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошёл прочь — своей дорогой.

БАРТО АГНИЯ ЛЬВОВНА
(1906—1981)

Я РАСТУ

А я не знал, что я расту
Всё время, каждый час.
Я сел на стул —
Но я расту,
Расту, шагая в класс.

Расту,
Когда гляжу в окно,
Расту,
Когда сижу в кино,
Когда светло,
Когда темно,
Расту,
Расту я всё равно.

Идёт борьба
За чистоту,
Я подметаю
И расту.

Сажусь я с книжкой
На тахту,
Читаю книжку
И расту.

Стоим мы с папой
На мосту,
Он не растёт,
А я расту.

Отметку ставят мне
Не ту,
Я чуть не плачу,
Но расту.

Расту и в дождик,
И в мороз,
Уже я маму
Перерос!

Я ВЫРОСЛА

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю,
Соберу свои игрушки
И Серёже подарю.

Деревянную посуду
Я пока дарить не буду.
Заяц нужен мне самой —
Ничего, что он хромой,

А медведь измазан слишком...
Куклу жалко отдавать:
Он отдаст её мальчишкам
Или бросит под кровать.

Паровоз отдать Серёже?
Он плохой, без колеса...
И потом, мне нужно тоже
Поиграть хоть полчаса!

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю...
Но я, кажется, Серёже
Ничего не подарю.

ПЕСЕНКА ПРО ПЕТЮ

Целый день он занят делом,
Двух минут не отдохнёт:
То он парту мажет мелом,
То сидит бумажки рвёт!

А во время переменки
Занят он ещё сильнее:
Подойдёт он к чистой стенке,
Чертит чёртиков на ней.

Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!

Ах, как занят этот Петя!
Целый час ломал часы
И на мамином портрете
Подрисовывал усы.

То он вскочит на скамейку,
То залезет под кровать,
То зачем-то схватит лейку,
Станет лужи поливать.

Со двора домой вернётся,
Бросит санки у крыльца,
Если их чинить возьмётся,
Доломает до конца.

То промчится он вприпрыжку,
То залезет на чердак...
Взяться некогда за книжку —
Слишком занят он и так!

Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!

**ТВАРДОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ
(1910–1971)**

ЛЕС ОСЕНЬЮ

Меж редеющих верхушек
Показалась синева.
Зашумела у опушек
Ярко-жёлтая листва.

Птиц не слышно. Треснет мелкий
Обломившийся сучок,
И, хвостом махая, белка
Лёгкий делает прыжок.

Стала ель в лесу заметней,
Бережёт густую тень.
Подосиновик последний
Сдвинул шапку набекрень.

ДРАГУНСКИЙ ВИКТОР ЮЗЕФОВИЧ (1913–1972)

ДРУГ ДЕТСТВА

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились, и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего

путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную грушу — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться,— сказал я.— Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь,— сказал я.— Рублей десять или пятьдесят.

— Ты спятил, братец,— сказал папа.— Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу. А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлёпкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей

или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

ЗАКОЛДОВАННАЯ БУКВА

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

— Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь её на попá! Легче, а то весь шпиц обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактивировать, — и ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

— Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

— Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

— Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она — сыски.

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

— Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово — хыххий! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

*Ох, хыхечка зелёная,
Боюсь уколюся я.*

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

— Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

— Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» — «Хыхки!» — «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

— Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

МИХАЛКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
(1913–2009)

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:
— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?
— А у нас сегодня гость.
А у вас?
— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?
— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:

— Мама — лётчик?

Что ж такого!

Вот у Коли, например,

Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры

Обе мамы — инженеры.

А у Лёвы мама — повар.

Мама — лётчик?

Что ж такого!

— Всех важней, — сказала Ната, —
Мама вагоновожатый,

Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.
Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.
Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

ЧИСТОПИСАНИЕ

Писать красиво не легко:
«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко».
За буквой буква,
К слогу слог.
Ну хоть бы кто-нибудь помог!

Сначала «да», потом уж «ёт».
Уже написано «даёт»,

Уже написано «даёт»,
Но тут перо бумагу рвёт.

Опять испорчена тетрадь —
Страничку надо вырывать!
Страничка вырвана, и вот:
«Ко-ро-ва мо-ло-ко да-ёт».

«Корова молоко даёт»,
А нужно всё наоборот:
«Даёт корова молоко»!
Вздохнём сначала глубоко,
Вздохнём, строку перечеркнём
И дело заново начнём.

«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко».
Перо цепляется за «ко»,
И клякса чёрная, как жук,
С конца пера сползает вдруг.

Одной секунды не прошло,
Как скрылись «ко», и «мо», и «ло»...

Ещё одну страничку вон!
А за окном со всех сторон:
И стук мяча, и лай щенка,
И звон какого-то звонка, —
А я сижу, в тетрадь гляжу —
За буквой букву вывожу:
«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко»...

Да! Стать учёным не легко!

ПРИВИВКА

— На прививку! Первый класс!

— Вы слышали? Это нас!.. —

Я прививки не боюсь:

Если надо — уколюсь!

Ну, подумаешь, укол!

Укололи — и пошёл...

Это только трус боится

На укол идти к врачу.

Лично я при виде шприца

Улыбаюсь и шучу.

Я вхожу один из первых

В медицинский кабинет.

У меня стальные нервы

Или вовсе нервов нет!

Если только кто бы знал бы,

Что билеты на футбол

Я охотно променял бы

На добавочный укол!..

— На прививку! Первый класс!

— Вы слышали? Это нас!.. —

Почему я встал у стенки?

У меня... дрожат коленки...

ЗАХОДЕР БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (1918–2000)

ПЕТЯ МЕЧТАЕТ

...Если б мыло
Приходило
По утрам ко мне в кровать
И само меня бы мыло —
Хорошо бы это было!
Если б, скажем,
Мне
Волшебник
Подарил такой учебник,
Чтобы он бы
Сам бы мог
Отвечать любой урок...
Если б ручку мне в придачу,
Чтоб могла
Решить задачу,
Написать диктант любой —
Всё сама,
Само собой!
Если б книжки и тетрадки
Научились быть в порядке,
Знали все свои места —
Вот была бы красота!
Вот бы жизнь тогда настала!
Знай гуляй да отдыхай!
Тут и мама б перестала
Говорить, что я лентяй...

НИКТО

Завёлся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья!

Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всём
Лишь он один — НИКТО!

Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашёл
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папин стол свой нос совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!

— НИКТО — ужасный сорванец!
Сказала строго мать. —
Его должны мы наконец
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдёт
Ни в гости, ни в кино!

Смеётесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

СОБАЧКИНЫ ОГОРЧЕНИЯ

В лесочке, над речкой,
Построена дачка.
На дачке живёт
Небольшая Собачка.
Собачка довольна
И лесом и дачей,
Но есть огорчения
В жизни собачьей.

Во-первых,
Собачку слегка раздражает,
Что дачу высокий
Забор окружает.
Ведь если б не этот
Противный забор,
То с кошками был бы
Другой разговор!

Её огорчает,
Что люди забыли
Придумать
Собачкам
Автомобили.
Собачка
Обиды терпеть не желает:
Она на машины отчаянно лает.

Ей грустно
Глядеть на цветочные грядки:
Они у хозяев
В таком беспорядке!

Однажды
Собачка
Их славно вскопала —
И ей же, представьте,
За это попало!

Хозяин
Собачку
За стол не сажает —
И это, конечно,
Её обижает:
Не так уж приятно
Приличной Собачке
Сидеть на полу,
Ожидая подачки!..

Но дайте Собачке
Кусочек печенья —
И сразу
Окончатся
Все огорченья!

КИСКИНО ГОРЕ

Плачет Киска в коридоре.
У неё
Большое горе:
Злые люди
Бедной Киске
Не дают
Украсть
Сосиски!

СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
(1920–1996)

БЕЗ СЛОВ

— Чего они, дурачки, меня боятся? — спросила Люся.

— Кто боится тебя? — спросил я.

— Воробьи.

В скверике прыгали воробьи. Люся кидала им крошки, а они в страхе улетали.

— Почему они улетают? — удивлялась Люся.

Загадала девочка мне загадку! Действительно — почему? Раньше я не думал об этом: боятся и боятся. На то они и дикие птицы. Но вот девочка хочет их накормить, воробьи голодны, но они улетают. Почему?

— Почему они меня боятся? Я ведь никогда их не обижала! — говорит Люся.

— Ты не виновата, — успокаиваю я её.

— А кто виноват?

— Мы виноваты. Все-все. Одни — потому что всегда птиц обижали, другие — потому что позволяли обижать.

— Но за что же их обижать? Они ведь маленькие...

— Ничего,— сказал я Люсе.— Ты бросай и бросай им крошки, и они поймут, что ты им друг.

— Вы думаете, они поймут?

— Непременно поймут! Ведь поняли же они, что надо спастись, когда в них кидают камни.

— Я им скажу, что я бросаю не камни, а крошки!

— Ничего не нужно говорить, Люся. Они поймут без слов.

— Без слов? А я-то думала, что они дурачки! — сказала Люся.

Птицы поняли Люсю.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты. И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

— Ага! Ты птица осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверное, лесная мышь.

— И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок:

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!

— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

ВЕСЕННЯЯ БАНЯ

Ванятка считал себя знатоком птиц. Ему приходилось держать в клетках чижей, чечёток, снегирей, синиц, щеглов, клестов, зябликов. А сегодня вышел Ванятка из школы и видит: на краю снеговой лужи сидят три совершенно незнакомые птички ростом с воробья. Одна чёрная, другая коричневая, а третья вовсе рыжая.

Прыг-прыг-прыг — по гузку, по самый хвостик — в лужу, и ну купаться! То грудку окунут в воду, то на задок присядут и бьют, бьют тупыми крылышками по воде, трепыхаются в ней. Брызги над ними как фейерверк: в каждой капельке — искорка солнца.

Выскочили из лужи и, встряхнув мокрые крылышки, взъерошенные, перелетели на песчаную дорожку. И — вот глупыши! — давай барахтаться в грязном песке. Песок к перу липнет — измазались все! Не поймёшь, какого и цвета стали.

Скоро так песком облипли, что и летать не могут. По земле поскакали.

Прыг-дрыг-скок — и опять в лужу! Опять над ними солнечный фейерверк, да ещё радуга в брызгах. Моются, стараются.

Выкупались, вымылись — и выскочили на бережок.

Ванятка так и ахнул:

— Воробьи! Все трое — обыкновеннейшие воробьи!

Все трое серенькие, свеженькие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка: воробьи так за зиму измазались, что и на себя стали не похожи. Это они сейчас в бане мылись, зимнюю грязь с себя смывали. С песочком тёрли!

Чёрный сажу смывал: он всю зиму в дымовой трубе ночевал.

Коричневый — спал в сыром дупле, в гнилой трухе вымазался.

Рыжий — в кирпичной стене устроился, в дырке.

Вот и стала вода в луже чёрно-кирпично-коричневой.

— С лёгким паром! — крикнул Ванятка воробьям и побежал домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

БЕРЕСТОВ ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ (1928–1998)

КАК ХОРОШО УМЕТЬ ЧИТАТЬ!

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу!»
 Не надо звать,
 Не надо ждать,
 А можно взять
 И почитать!

ВРЕМЕНА ГОДА

Будь лето вечным —
всё бы погорело.
Будь вечной осень —
всё бы отсырело.
Зимою вечной
всё б обледенело.
Вот вечная весна —
другое дело!

Драгунский В.Ю.
«Друг детства»

Коваль Ю.И.
«Нюрка»

ЗНАКОМЫЙ

Сегодня вышел я из дома,
Пушистый снег лежит кругом.
Гляжу — навстречу мой знакомый
Бежит по снегу босиком.

И вот мы радости не прячем,
Мы — неразлучные друзья.
Визжим, и прыгаем, и скачем —
И он, и я, и он, и я!

Объятья, шутки, разговоры.
— Ну как живёшь? Ну как дела? —
Вдруг видим, кошка вдоль забора,
Как тень, на цыпочках прошла.

— Побудь со мной ещё немного! —
Но я его не удержал.
«Гав! Гав!» — сказал знакомый строго,
Махнул хвостом и убежал.

* * *

Любили тебя без особых причин
За то, что ты — внук.
За то, что ты — сын.
За то, что малыш.
За то, что растёшь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

ЧЕСТНОЕ ГУСЕНИЧНОЕ

Гусеница считала себя очень красивой и не пропускала ни одной капли росы, чтобы в неё не посмотреться.

— До чего ж я хороша! — радовалась Гусеница, с удовольствием разглядывая свою плоскую рожицу и выгибая мохнатую спинку, чтобы увидеть на ней две золотые полоски. — Жаль, что никто-никто этого не замечает.

Но однажды ей повезло. По лугу ходила девочка и собирала цветы. Гусеница взобралась на самый красивый цветок и стала ждать. А девочка увидела её и сказала:

— Какая гадость! Даже смотреть на тебя противно!

— Ах так! — рассердилась Гусеница. — Тогда я даю честное гусеничное слово, что никто и никогда, нигде, ни за что и нипочём, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах больше меня не увидит!

Дал слово — нужно его держать, даже если ты — Гусеница.

И Гусеница поползла на дерево. Со ствола на сук, с сука на ветку, с ветки на веточку, с веточки на сучок, с сучка на листок. Вынула из брюшка шёлковую ниточку и стала ею обматываться.

Трудилась она долго и наконец сделала кокон.

— Уф, как я устала! — вздохнула Гусеница. — Совершенно замоталась.

В коконе было тепло и темно, делать больше было нечего, и Гусеница уснула.

Проснулась она оттого, что у неё ужасно чесалась спина. Тогда Гусеница стала тереться о стенки кокона. Тёрлась, тёрлась, протёрла их насквозь и вывалилась. Но падала она как-то странно — не вниз, а вверх.

И тут Гусеница на том же самом лугу увидела ту же самую девочку.

«Какой ужас! — подумала Гусеница. — Пусть я не красива, это не моя вина, но теперь все узнают, что я ещё и обманщица. Дала честное гусеничное, что никто меня не увидит, и не сдержала его. Позор!»

И Гусеница упала в траву.

А девочка увидела её и сказала:

— Какая красивая!

— Вот и верь людям, — ворчала Гусеница. — Сегодня они говорят одно, а завтра — совсем другое.

На всякий случай она погляделась в каплю росы. Что такое? Перед ней — незнакомое лицо с длинными-предлинными усами. Гусеница попробовала выгнуть спинку и увидела, что на спинке у неё появились большие разноцветные крылья.

— Ах вот что! — догадалась она. — Со мной произошло чудо. Самое обыкновенное чудо: я стала Бабочкой! Это бывает.

И она весело закружилась над лугом, потому что честного бабочкиного слова, что её никто никогда не увидит, она не давала.

ГОЛЯВКИН ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ (1929–2001)

КАК Я ПОД ПАРТОЙ СИДЕЛ

Только к доске отвернулся учитель, а я раз — и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, — вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу. «Когда же, — думаю, — он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я — никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

— Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

— В чём дело? Ты к доске хочешь?

— Нет, извините меня, я под партой сидел...

— Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яандреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яандреев, на «Я» начинается — Яандреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яандреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яандреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яандреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

КАРУСЕЛЬ В ГОЛОВЕ

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколёсный велосипед, пистолет-пулемёт на батарейках, самолёт на батарейках, летающий вертолёт и настольный хоккей.

— Мне так хочется иметь эти вещи! — сказал я отцу. — Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

— Держись, — сказал отец, — не упави и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

— Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

— Пиши, — сказал отец, — тебе ведь это ничего не стоит.

— В общем-то ничего не стоит, — сказал я, — только лишняя морока. — И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ

САМАЛЁТ ВИРТАЛЁТ ХАКЕЙ

Потом подумал и ещё решил написать «мороженое», подошёл к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочёл и говорит:

— Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождём.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

— До которого часу?

— До лучших времён.

— До каких?

— До следующего окончания учебного года.

— Почему?

— Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали.

**ПЛЯЦКОВСКИЙ
МИХАИЛ СПАРТАКОВИЧ
(1935—1991)**

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Дружба крепкая не сломается,
Не расклеится от дождей и вьюг.
Друг в беде не бросит,
Лишнего не спросит —
Вот что значит настоящий
Верный друг.

Мы поссоримся и помиримся,
«Не разлить водой!» — шутят все вокруг.
В полдень или в полночь
Друг придёт на помощь —
Вот что значит настоящий
Верный друг.

Друг всегда меня сможет выручить,
Если что-нибудь приключится вдруг.
Нужным быть кому-то
В трудную минуту —
Вот что значит настоящий
Верный друг!

ЧЕМУ УЧАТ В ШКОЛЕ

Буквы разные писать
Тонким пёрышком в тетрадь
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.
Вычитать и умножать,
Малышей не обижать
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.

К четырём прибавить два,
По слогам читать слова
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.
Книжки добрые любить
И воспитанными быть
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.

Находить восток и юг,
Рисовать квадрат и круг
Учат в школе, учат в школе, учат в школе,
И не путать никогда
Острова и города
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.

Точки ставить и тире,
И не драться во дворе
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.
Крепко-накрепко дружить,
С детства дружбой дорожить
Учат в школе, учат в школе, учат в школе.

НАШИ МАМЫ САМЫЕ КРАСИВЫЕ

Песня улетает в небо синее
Из большого школьного окна.
Наши мамы самые, самые красивые,
Песню подарила им весна.

Больше не дымит зима порошею,
Солнце к нам заглядывает в класс.
Наши мамы самые, самые хорошие —
Кто об этом знает лучше нас!

Белые, как перья лебединые,
Вдаль плывут пушинки облаков.
Наши мамы самые, самые любимые
В мире, полном звёзд и васильков!

Радуги играют переливами,
Светят над просторами земли...
Наши мамы самые, самые счастливые —
Это мы в глазах у них прочли!

РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1936–1971)

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал до лугу,
Я из лесу шёл домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой весёлый крик.

И ещё, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под ёлкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-за крыши бросается к ней!

И дрожит он над зёрнышком бедный,
И летит к чердаку своему.
И гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

КОВАЛЬ ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ (1938–1995)

НУЛЕВОЙ КЛАСС

Приехала к нам в деревню новая учительница. Марья Семёновна.

А у нас и старый учитель был — Алексей Степанович.

Вот новая учительница стала со старым дружить. Ходят вместе по деревне, со всеми здороваются.

Дружили так с неделю, а потом рассорились. Все ученики к Алексей Степанычу бегут, а Марья Семёновна стоит в сторонке. К ней никто и не бежит — обидно.

Алексей Степанович говорит:

— Бегите-ко до Марьи Семёновны.

А ученики не бегут, жмутся к старому учителю. И действительно, серьёзно так жмутся, прямо к бокам его прижимаются.

— Мы её пугаемся, — братья Моховы говорят. — Она бруснику моет.

Марья Семёновна говорит:

— Ягоды надо мыть, чтоб заразу смыть.

От этих слов ученики ещё сильнее к Алексею Степанычу жмутся.

Алексей Степанович говорит:

— Что поделаешь, Марья Семёновна, придётся мне ребят дальше учить, а вы заводите себе нулевой класс.

— Как это так?

— А так. Нюра у нас в первом классе, Федюша во втором, братья Моховы в третьем, а в четвёртом, как известно, никого нет. Но зато в нулевом классе ученики будут.

— И много? — обрадовалась Марья Семёновна.

— Много не много, но один — вон он, на дороге в луже стоит.

А прямо посреди деревни, на дороге и вправду стоял в луже один человек. Это был Ванечка Калачёв. Он месил глину резиновыми сапогами, воду запруживал. Ему не хотелось, чтоб вся вода из лужи вытекла.

— Да он же совсем маленький, — Марья Семёновна говорит, — он же ещё глину месит.

— Ну и пускай месит, — Алексей Степанович отвечает. — А вы каких же учеников в нулевой класс желаете? Трактористов, что ли? Они ведь тоже глину месят.

Тут Марья Семёновна подходит к Ванечке и говорит:

— Приходи, Ваня, в школу, в нулевой класс.

— Сегодня некогда, — Ванечка говорит, — запруду надо делать.

— Завтра приходи, утром пораньше.

— Вот не знаю, — Ваня говорит, — как бы утром запруду не прорвало.

— Да не прорвёт, — Алексей Степанович говорит и своим сапогом запруду подправляет. — А ты поучись немного в нулевом классе,

а уж на другой год я тебя в первый класс приму. Марья Семёновна буквы тебе покажет.

— Какие буквы? Прописные или печатные?

— Печатные.

— Ну, это хорошо. Я люблю печатные, потому что они понятные.

На другой день Марья Семёновна пришла в школу пораньше, разложила на столе печатные буквы, карандаши, бумагу. Ждала, ждала, а Ванечки нет. Тут она почувствовала, что запруду всё-таки прорвало, и пошла на дорогу. Ванечка стоял в луже и сапогом запруду делал.

— Телега проехала, — объяснил он. — Приходится починять.

— Ладно, — сказала Марья Семёновна, — давай вместе запруду делать, а заодно и буквы учить.

И тут она своим сапогом нарисовала на глине букву «А» и говорит:

— Это, Ваня, буква «А». Рисуй теперь такую же.

Ване понравилось сапогом рисовать. Он вывел носочком букву «А» и прочитал:

— А.

Марья Семёновна засмеялась и говорит:

— Повторение — мать учения. Рисуй вторую букву «А».

И Ваня стал рисовать букву за буквой и до того зарисовался, что запруду снова прорвало.

— Я букву «А» рисовать дольше не буду, — сказал Ваня, — потому что плотину прорывает.

— Давай тогда другую букву, — Марья Семёновна говорит. — Вот буква «Б».

И она стала рисовать букву «Б».

А тут председатель колхоза на газике выехал. Он погудел газиком, Марья Семёновна с Ваней расступились, и председатель не только запруду прорвал своими колёсами, но и все буквы стёр с глины. Не знал он, конечно, что здесь происходит занятие нулевого класса.

Вода хлынула из лужи, потекла по дороге, всё вниз и вниз в другую лужу, а потом в овраг, из оврага в ручей, из ручья в речку, а уж из речки в далёкое море.

— Эту неудачу трудно ликвидировать, — сказала Марья Семёновна, — но можно. У нас остался последний шанс — буква «В». Смо-три, как она рисуется.

И Марья Семёновна стала собирать разбросанную глину, укладывая её барьерчиком. И не только сапогами, но даже и руками сложила всё-таки на дороге букву «В». Красивая получилась буква, вроде крепости. Но, к сожалению, через сложенную ею букву хлестала и хлестала вода. Сильные дожди прошли у нас в сентябре.

— Я, Марья Семёновна, вот что теперь скажу, — заметил Ваня, — к вашей букве «В» надо бы добавить что-нибудь покрепче. И повыше. Предлагаю букву «Г», которую давно знаю.

Марья Семёновна обрадовалась, что Ваня такой образованный, и они вместе слепили не очень даже кривую букву «Г». Вы не поверите, но эти две буквы «В» и «Г» воду из лужи вполне задержали.

На другое утро мы снова увидели на дороге Ванечку и Марью Семёновну.

— Жэ! Зэ! — кричали они и месили сапогами глину. — Ка! Эль! И краткое!

Новая и невиданная книга лежала у них под ногами, и все наши жители осторожно обходили её, стороной объезжали на телеге, чтоб не помешать занятиям нулевого класса. Даже председатель проехал на своём газике так аккуратно, что не задел ни одной буквы.

Тёплые дни скоро кончились. Задул северный ветер, лужи на дорогах замёрзли.

Однажды под вечер я заметил Ванечку и Марью Семёновну. Они сидели на брёвнышке на берегу реки и громко считали:

— Пять, шесть, семь, восемь...

Кажется, они считали улетающих на юг журавлей.

А журавли и вправду улетали, и темнело небо, накрывающее нулевой класс, в котором все мы, друзья, наверно, ещё учимся.

НЮРКА

Нюрке дядизуевой было шесть лет.

Долго ей было шесть лет. Целый год.

А как раз в августе стало Нюрке семь лет.

На Нюркин день рождения дядя Зуй напёк калиток — это такие ватрушки с пшённой кашей — и гостей позвал. Меня тоже. Я стал собираться в гости и никак не мог придумать, что Нюрке подарить.

— Купи конфет килограмма два, — говорит Пантелевна. — Подушечек.

— Ну нет, тут надо чего-нибудь посерьёзнее.

Стал я перебирать свои вещи. Встряхнул рюкзак — чувствуется в рюкзаке что-то тяжёлое, ёлки-палки, да это же бинокль! Хороший бинокль. Всё в нём цело, и стёкла есть, и окуляры крутятся.

Протёр я бинокль сухой тряпочкой, вышел на крыльцо и навёл его на дядизуев двор. Хорошо всё видно: Нюрка по огороду бегают, укроп собирает, дядя Зуй самовар ставит.

— Нюрка, — кричит дядя Зуй, — хрену-то накопала?

Это уже не через бинокль, это мне так слышно.

— Накопала, — отвечает Нюрка.

Повесил я бинокль на грудь, зашёл в магазин, купил два кило подушечек и пошёл к Нюрке.

Самый разный народ собрался. Например, Федюша Миронов пришёл в хромовых сапогах и с мамашей Миронихой. Принёс Нюрке пенал из берёсты. Этот пенал дед Мироша сплёл.

Пришла Маня Клеткина в возрасте пяти лет. Принесла Нюрке фартук белый, школьный. На фартуке вышито в уголке маленькими буквами: «Нюри».

Пришли ещё ребята и взрослые, и все дарили Нюрке что-нибудь школьное: букварь, линейку, два химических карандаша, самописку.

Тётка Ксения принесла специальное коричневое первоклассное школьное платье. Сама шила. А дядя Зуй подарил Нюрке портфель из жёлтого кожзаменителя.

Братья Моховы принесли два ведра черники.

— Целый день, — говорят, — собирали. Комары жгутся.

Мирониха говорит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное? — говорят братья Моховы. — Очень даже школьное.

И тут же сами поднавалились на чернику.

Я говорю Нюрке:

— Ну вот, Нюра, поздравляю тебя. Тебе теперь уже семь лет. Поэтому дарю тебе два кило подушечек и вот — бинокль.

Нюрка очень обрадовалась и засмеялась, когда увидела бинокль. Я ей объяснил, как в бинокль глядеть и как на что наводить. Тут же

все ребята отбежали шагов на десять и стали на нас в этот бинокль по очереди глядеть.

А Мирониха говорит, как будто бинокль первый раз видит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное, — обиделся я, — раз в него будет школьница смотреть?

А дядя Зуй говорит:

— Или с учителем Алексей Степанычем залезут они на крышу и станут на звёзды глядеть.

Тут все пошли в дом и как за стол сели, так и навалились на калитки и на огурцы. Сильный хруст от огурцов стоял, и особенно старалась мамаша Мирониха. А мне понравились калитки, сложенные конвертиками.

Нюрка была весёлая. Она положила букварь, бинокль и прочие подарки в портфель и носилась с ним вокруг стола.

Напившись чаю, ребята пошли во двор в лапту играть.

А мы сели у окна, и долго пили чай, и глядели в окно, как играют ребята в лапту, как медленно приходит вечер и как летают над сараями и над дорогой ласточки-касатки.

Потом гости стали расходиться.

— Ну, спасибо, — говорили они. — Спасибо вам за огурцы и за калитки.

— Вам спасибо, — отвечала Нюрка, — за платье спасибо, за фартук и за бинокль.

Прошла неделя после этого дня, и наступило первое сентября.

Рано утром я вышел на крыльцо и увидел Нюрку.

Она шла по дороге в школьном платье, в белом фартуке с надписью «Нюри». В руках она держала большой букет осенних золотых шаров, а на шее у неё висел бинокль.

Шагах в десяти за нею шёл дядя Зуй и кричал:

— Смотри-ка, Пантелевна, Нюрка-то моя в школу пошла!

— Ну-ну-ну... — кивала Пантелевна. — Какая молодец!

И все выглядывали и выходили на улицу посмотреть на Нюрку, потому что в этот год она была единственная у нас первоклассница.

Около школы встретил Нюрку учитель Алексей Степаныч. Он взял у неё цветы и сказал:

— Ну вот, Нюра, ты теперь первоклассница. Поздравляю тебя. А что бинокль принесла, так это тоже молодец. Мы потом залезем на крышу и будем на звёзды смотреть.

Дядя Зуй, Пантелевна, тётка Ксения, Мирониха и ещё много народу стояли у школы и глядели, как идёт Нюрка по ступенькам крыльца. Потом дверь за ней закрылась.

Так и стала Нюрка первоклассницей. Ещё бы, ведь ей семь лет. И долго ещё будет. Целый год.

ПИВОВАРОВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА
(1939–1986)

ВЕЖЛИВЫЙ ОСЛИК

Был ослик
Очень вежливый,
Воспитанный он был.
Всем улыбался,
Кланялся
И «здравствуй»
Говорил.
Потом
Он отходил на шаг
И говорил:
— Тюлень — тюфяк,
А заяц — трус,
А лев — дурак,
А слон — обжора
И толстяк...—
Ни разу доброго
Словца
Он не сказал
Ни про кого,—
И я прошу тебя,
Дружок,
Не будь похожим
На него!

КАК Я СОБИРАЛА ГРИБЫ

Пошла я за грибами —
Корзинку потеряла.
Пока её искала —
Косынку потеряла.
Пока её искала —
Ленту потеряла.
Пока её искала —
Тапочка пропала.

Чтоб мама не ругала,
Пойду искать сначала!

Пока искала тапочку —
Нашла в траве косынку.
Пока искала ленточку —
Нашла в траве корзинку.

А вот и лента с тапочкой,
А рядом —
Три волнушки,
Два беленьких,
Два рыжика
И три больших свинушки!

И мама не ругала.

ЕЖОВЫЙ ТУЛУПЧИК

Жалко мне ёжика:
Ночи так долги,
А иглы не шуба,
Не греют иголки.

Волшебную палочку
Я достаю...
И тёплый тулупчик
Ежу подаю.

— Спасибо, мой мальчик!
Спасибо, голубчик!
Какой замечательный
Сшил ты тулупчик!

Жаль, что его
Не смогу я надеть —
Сто двадцать иголок
Мне некуда деть.

— Волшебная палочка,
Ну-ка, за дело! —
Сто двадцать дырок
Она провертела
В тулупчике тёплом.
— Носи его, ёж!
Теперь уж, наверно,
Он будет хорош!

— Спасибо, мой мальчик!
Спасибо, голубчик!
Немножко на сито
Похож мой тулупчик.

В нём холод гуляет,
И бьёт меня дрожь...
А так-то он впору!
А так-то хорош!

ЛИШЬ БЫ ПЕСНИ ПЕТЬ!

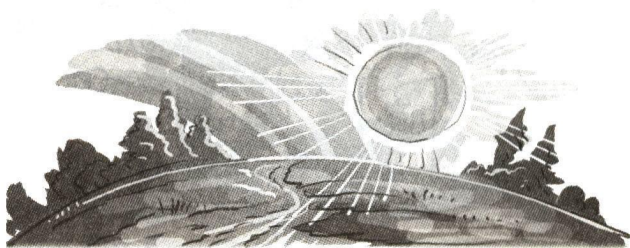
Треснуло яичко,
Вылупилась птичка.
Спрашивает: — Кто я,
Чирик или синичка?

Может, я кукушка, —
Не пойму по платью?!
Если я кукушка,
Буду куковать я.

Буду я чирикать,
Если воробей я.
Заливаться трелью,
Если соловей я.

Если свиристель я,
Буду свиристеть...

Лишь бы лес качался,
Лишь бы даль синела,
Лишь бы солнце грело,
Лишь бы песни петь!

СОДЕРЖАНИЕ

Устное народное творчество

Потешки и прибаутки	2
Считалочки	5
Дразнилки	7
Скороговорки	9
Пословицы и поговорки	11
Загадки	13
Русские народные сказки	
Петушок и бобовое зёрнышко (в обр. О.Капицы)	16
Лисичка-сестричка и серый волк (в обр. О.Капицы)	17
Заюшкина избушка (в обр. О.Капицы)	20
Журавль и цапля (в обр. К.Ушинского)	25
Гуси-лебеди (в обр. М.Булатова)	26
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка (в обр. А.Толстого)	30
Как мужик гусей делил (в обр. Л.Толстого)	35

Русская литература XIX века

Крылов Иван Андреевич	
Стрекоза и Муравей	38
Лебедь, Щука и Рак	39
Жуковский Василий Андреевич	
Жаворонок	40
Птичка	—
Пушкин Александр Сергеевич	
У лукоморья (Из поэмы «Руслан и Людмила»)	41
«Унылая пора! Очей очарованье!..» (Из стихотворения «Осень»)	42

«Вот север, тучи нагоняя...» (Из романа «Евгений Онегин»)	43
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» (Из романа «Евгений Онегин»)	—
Сказка о рыбаке и рыбке	44
Даль Владимир Иванович	
Старик-годовик	51
Девочка Снегурочка	52
Тютчев Фёдор Иванович	
Весенние воды	57
«Зима недаром злится...»	58
Толстой Алексей Константинович	
«Колокольчики мои...»	59
«Край ты мой, родимый край!..»	60
Фет Афанасий Афанасьевич	
Осень	61
«Чúдная картина, как ты мне родна...»	62
Мотылёк мальчику	—
Некрасов Николай Алексеевич	
Мужичок с ноготок (Из стихотворения «Крестьянские дети») . . .	63
Майков Аполлон Николаевич	
Колыбельная песня	64
Ушинский Константин Дмитриевич	
Дети в роще	65
Четыре желания	68
Проказы старухи зимы	69
Плещеев Алексей Николаевич	
«Осень наступила...»	71
«Травка зеленеет...»	72
Внучка	—
Суриков Иван Захарович	
Детство	73

Русская литература конца XIX — начала XX века

Толстой Лев Николаевич

Два товарища	78
Отец и сыновья	—
Волк и собака	79
Волк и белка	80
Косточка	81
Котёнок	82
Филипок	83

Максим Горький

Про Иванушку-дурачка	86
Воробьишко	91

Пришвин Михаил Михайлович

Лисичкин хлеб	95
Ребята и утята	97
Золотой луг	99

Блок Александр Александрович

Зайчик	100
Вербочки	—

Житков Борис Степанович

Кружечка под ёлочкой	101
Галка	104
На льдине	106

Маяковский Владимир Владимирович

Что такое хорошо и что такое плохо	108
--	-----

Есенин Сергей Александрович

Берёза	112
Пороша	113

Александрова Зинаида Николаевна

Родина	114
------------------	-----

Русская литература XX века

Чуковский Корней Иванович

Краденое солнце 116

Тараканище 121

Бианки Виталий Валентинович

Первая охота 128

Хвосты 131

Кто чем поёт? 136

Катаев Валентин Петрович

Дудочка и кувшинчик 139

Осеева Валентина Александровна

Волшебное слово 147

Что легче? 151

Сыновья 152

Пермяк Евгений Андреевич

Кто? 153

Про нос и язык 154

Как Миша хотел маму перехитрить —

Пичугин мост 155

Аркадий Гайдар

Совість 158

Горячий камень 159

Барто Агния Львовна

Я расту 166

Я выросла 167

Песенка про Петю 168

Твардовский Александр Трифонович

Лес осенью 170

Драгунский Виктор Юзефович

Друг детства 171

Заколдованная буква 175

Михалков Сергей Владимирович

А что у вас? 178

Чистописание 180

Прививка	182
Заходер Борис Владимирович	
Петя мечтает	183
Никто	184
Собачкины огорчения	185
Кискино горе	186
Сладков Николай Иванович	
Без слов	187
Загадочный зверь.....	188
Весенняя баня	190
Берестов Валентин Дмитриевич	
Как хорошо уметь читать!.....	192
Времена года	—
Знакомый	193
«Любили тебя без особых причин...»	—
Честное гусеничное	194
Голявкин Виктор Владимирович	
Как я под партой сидел.....	196
Яндреев.....	197
Карусель в голове	198
Пляцковский Михаил Спартакович	
Настоящий друг.....	200
Чему учат в школе.....	201
Наши мамы самые красивые	202
Рубцов Николай Михайлович	
Про зайца	203
Воробей.....	204
Коваль Юрий Иосифович	
Нулевой класс	205
Нюрка.....	210
Пивоварова Ирина Михайловна	
Вежливый ослик	214
Как я собирала грибы	215
Ежовый тулупчик	216
Лишь бы песни петь!.....	218

Серия «Школьная библиотека»

ХРЕСТОМАТИЯ (ДЛЯ 1-го КЛАССА)

Для младшего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Соколов Геннадий Валентинович

Подписано в печать 13.03.2013.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 14.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 30000 экз. Заказ № 166.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51

© З.Н.Александрова, наследники, текст.

© В.Д.Берестов, наследники, текст.

© В.В.Бианки, наследники, текст.

© М.А.Булатов, наследники, текст.

© В.В.Голявкин, наследники, текст.

© В.Ю.Драгунский, наследники, текст.

© Б.В.Заходер, наследники, текст.

© В.П.Катаев, наследники, текст.

© Ю.И.Коваль, наследники, текст.

© С.В.Михалков, наследники, текст.

© В.А.Осеева, наследники, текст.

© Е.А.Пермяк, наследники, текст.

© И.М.Пивоварова, наследники, текст.

© М.С.Пляцковский, наследники, текст.

© М.М.Пришвин, наследники, текст.

© Н.М.Рубцов, наследники, текст.

© Н.И.Сладков, наследники, текст.

© А.Т.Твардовский, наследники, текст.

© А.Н.Толстой, наследники, текст.

© Е.Ц.Чуковская, текст.

© Т.А.Щегляева, текст.

© Издательство «Самовар», иллюстрации,
составление, серийное оформление.

ЕА

Артикул К-ШБ-80

ISBN 978-5-9781-0460-8

В серии «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА» вышли книги:

Т.Александрова	«Домовёнок Кузька»
П.Бажов	«Уральские сказы»
В.Бианки	«Рассказы Бианки»
К.Булычёв	«Девочка с Земли»
Е.Велтистов	«Приключения Электроника»
А.Волков	«Волшебник Изумрудного города»
	«Урфин Джюс и его деревянные солдаты»
	«Семь подземных королей»
	«Огненный бог Марранов»
	«Жёлтый туман»
А.Гайдар	«Тимур и его команда»
О.Генри	«Вождь Краснокожих»
Л.Гераскина	«В Стране невыученных уроков»
	«В Стране невыученных уроков-2»
	«Мягкий характер»
Н.Гоголь	«Вечера на хуторе близ Диканьки»
В.Губарев	«Королевство кривых зеркал»
Д.Дефо	«Робинзон Крузо»
В.Драгунский	«Где это видано, где это слыхано...»
	«Денискины рассказы»
Б.Житков	«Рассказы»
Ю.Коваль	«Алый» и другие рассказы»
	«Приключения Васи Куролесова»
	«Куролесов и Матрос подключаются»
А.Конан Дойл	«Рассказы о Шерлоке Холмсе»
И.Крылов	«Басни Крылова»
Л.Кэрролл	«Алиса в Стране Чудес»
Т.Крюкова	«Женька Москвичёв и его друзья»
Л.Лагин	«Старик Хоттабыч»
М.Лермонтов	«Герой нашего времени»
Д.Лондон	«Белый Клык»
В.Медведев	«Баранкин, будь человеком!»
С.Михалков	«Праздник непослушания»
Н.Носов	«Витя Малеев в школе и дома»
	«Мишкина каша», «Фантазёры»
Ю.Олеша	«Три толстяка»
В.Осеева	«Волшебное слово»
В.Приёмыхов	«Князь Удача Андреевич»

С. Прокофьева «Приключения жёлтого чемоданчика»
«Новые приключения жёлтого чемоданчика»
Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена»
А. Саломатов «Фантастические рассказы»
Д. Свифт «Путешествия Гулливера»
Э. Сетон-Томпсон «Мустанг-иноходец» и другие рассказы»
Ю. Сотник «Весёлые рассказы»
М. Твен «Принц и нищий»
«Приключения Тома Сойера»
А. Толстой «Приключения Буратино»
А. Усачёв «Правила дорожного движения»
«Чудеса в Дедморозовке»
«Школа снеговиков»
Е. Чарушин «Рассказы про зверей и птиц»
А. Чехов «Каштанка» и другие рассказы»
К. Чуковский «Доктор Айболит»
Е. Шварц «Сказка о потерянном времени»
А. Шмид «Мурли»
СБОРНИКИ «Былины»
«Времена года»
«Внеклассное чтение» (для 1–6 классов)
«Легенды и мифы Древней Греции»
«Лучшие школьные песни»
«Любимые праздники»
«О школе с улыбкой»
«Рассказы о войне»
«Рассказы о животных»
«Рассказы о природе»
«Рассказы русских писателей»
«Сказки из леса»
«Сказки русских писателей»
«Смешные рассказы»
«Смешные рассказы о школе»
«Хрестоматия» (для 1–4 классов)
«Школьные анекдоты»
«Школьные «приколы»

Работа над серией продолжается...

ВНИМАНИЕ!

Приложение «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
для iPad, iPhone, iPod доступно в App Store

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Теннадий Соколов

9 785978 104608 >